

# Великий реформатор русской музыки

Сегодня исполняется 180 лет со дня рождения композитора М. И. ГЛИНКИ

О непреходящем значении творчества Михаила Ивановича Глинки в беседе с корреспондентом АПН рассказывает Юрий СИМОНОВ — главный дирижер Большого театра Союза ССР.

— С Михаила Ивановича Глинки начинается новая эра в истории русской музыки, а сам он явился ее великим реформатором. Своим творчеством он возвестил рождение русской классической музыки, вписав яркую страницу в мировую культуру.

Творческая смелость — вот что прежде всего отличает этого гениального человека: смелость в обращении с музыкальным фольклором. Он не просто использовал народные напевы, но обобщил, конкретизировал в своих произведениях все самое жизнеспособное в музыкальной интонации. А мы знаем, насколько

ко она разнообразна — пение, танец, множество форм и стилей музицирования имеет народ. Глинка не придумывал мелодию, но слил все воедино, родив новую, высоко профессиональную и в то же время высоко духовную музыку.

— И можно сказать, что Глинка явился первооткрывателем нового музыкального языка...

— Конечно. Недаром, когда слушаешь его музыку, размышляешь о его творчестве, в сознании невольно возникает образ великого Пушкина. Потому что значение Глинки для музыки сравнимо лишь с Пуш-

киным в поэзии. Оба русских гения выразили дух нации, дух народа наиболее глубоко и в то же время высоко профессионально.

Глинка дорог нам тем, что был всегда глубочайшим выразителем своего народа, его мысли, чувства, черт характера, жизни, истории, возвысил народный напев до больших высот, а творения его стали основанием самостоятельной русской музыкальной школы.

— Как представлено творчество Глинки в Большом театре Союза СССР?

— Большой театр — это те-

атр реалистической оперы. И конечно, оперное творчество Глинки во главе этого направления. Две его оперы представлены сейчас на нашей сцене — «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила». Когда я слушаю их, то кажется, что Глинка владел секретом полного творческого перевоплощения, обладал даром становиться совершенно иным человеком — по-иному жить, чувствовать, воспринимать мир, творить. «Сусанин...» и «Руслан...» — такие разные, словно созданы разными композиторами... Я множество раз дирижировал «Русланом...», и музыка его всегда открывала мне все новые и новые красоты.

— Известно, что вы ставили «Руслана и Людмилу» и в

Лейпциге. Расскажите об этой работе...

— Она для меня была в высшей мере интересна. Премьера состоялась в 1980 году в связи с 20-летием со дня открытия нового здания театра оперы и балета в Лейпциге. Спектакль имел успех, а это многого стоит, поскольку укрепляет художественные связи между нашими народами, между их культурами.

И для меня лично постановка имела большой смысл, ибо на почве иной музыкальной культуры я еще лучше почувствовал жизнеспособность и силу этого произведения русского классика. Я видел, как прониклись русской музыкой немецкие музыканты и певцы, не имея традиций ее исполнения. Как внимали и прониклись русской музыкой слушатели! Это было поразительно!

Творения Глинки еще при жизни композитора заслужили признание и высокую оценку его современников в России и за рубежом. Искренними друзьями и почитателями блестящего гения Глинки были Лист и Берлиоз, который писал русскому мастеру, что его музыка «свежа, полна жизни, восхитительна, вдохновенна и оригинальна».

— И как удивительно не походят друг на друга его «Камаринская» и «Вальс-фантазия», «Арагонская хота» и «Ночь в Мадриде»...

— Это жемчужины симфонической музыки. Особенно «Камаринская» — блестящий образец ювелирной оркестровки на сугубо русской почве. По гениальности, смелости в смысле оркестровки с этим произведением можно сравнить Первую симфонию Шостаковича, некоторые сочине-

ния Прокофьева, например его Седьмую симфонию, которая считается простой и в то же время гениальной — так она выражает дух своего времени, или музыку балета «Ромео и Джульетта».

— Какие из сочинений Глинки вы включили в свой симфонический репертуар?

— Все без исключения. Глинка не должен занимать иного места, кроме первого в репертуаре оркестров. Это мое убеждение. Нет музыки лучшей для эстетического воспитания публики, развития ее музыкального вкуса, чем музыка Глинки. Ибо творения великого музыканта, человека и гражданина проникнуты животворной силой чувств — любовью и верой в человека и радостью бытия.

Беседу записала  
И. МАКАРЕВИЧ.